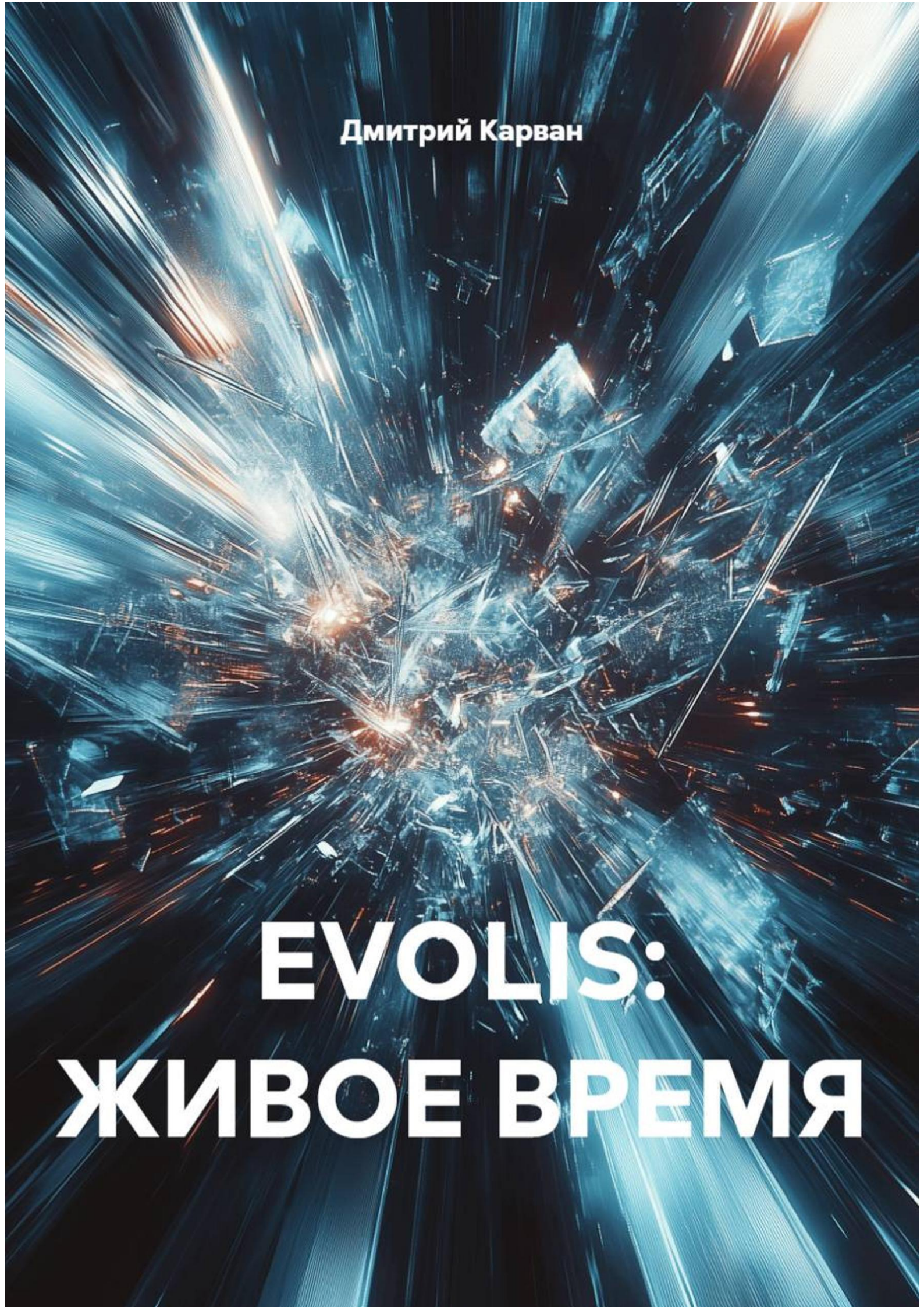

Дмитрий Карван

EVOLIS: ЖИВОЕ ВРЕМЯ

Дмитрий Карван

EVOLIS: ЖИВОЕ ВРЕМЯ

«Автор»

2026

Карван Д. А.

EVOLIS: ЖИВОЕ ВРЕМЯ / Д. А. Карван — «Автор», 2026

Шесть человек. Шесть городов. Одна усталость на всех. Алексей потерял семью, потому что всё время работал. Юлия плачет по ночам - у неё четверо детей и сорок чужих. Сергей, шахтёр, хоронит друзей и ждёт, когда сердце откажет у него. Михаил, миллиардер, сидит в пустой квартире и не знает, зачем жить. София, блогер-миллионник, устала быть картинкой. Анна, пенсионерка, боится стать обузой. Они никогда не встретились бы. Но однажды каждый из них услышал про странную вещь - EVOLIS. Экономику живого времени. Где успех измеряют не в деньгах, а в часах творчества. Где на заводах работают роботы, а опасный труд становится элитным. Где есть формула счастья — и она работает. Эта книга - не учебник и не утопия. Это живая история о людях, которые перестали ждать, что кто-то изменит их жизнь. И начали менять её сами.

© Карван Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Карван Дмитрий	5
ОТ АВТОРА	6
Часть I. КЛЕТКИ	7
1. Тот, кто устал ждать	8
2. Четверо детей и одна мечта	10
3. Глубина	13
4. Золотая клетка	16
5. Без фильтров	19
6. Внуки	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

EVOLIS: ЖИВОЕ ВРЕМЯ

Карван Дмитрий

«Роман о людях, которые перестали ждать»

Шесть человек. Шесть городов. Одна усталость на всех.

Алексей потерял семью, потому что всё время работал. Юлия плачет по ночам - у неё четверо детей и сорок чужих. Сергей, шахтёр, хоронит друзей и ждёт, когда сердце откажет у него. Михаил, миллиардер, сидит в пустой квартире и не знает, зачем жить. София, блогер-миллионник, устала быть картинкой. Анна, пенсионерка, боится стать обузой.

Они никогда не встретились бы. Но однажды каждый из них услышал про странную вещь - EVOLIS. Экономику живого времени. Где успех измеряют не в деньгах, а в часах творчества. Где на заводах работают роботы, а опасный труд становится элитным. Где есть формула счастья — и она работает.

Эта книга - не учебник и не утопия. Это живая история о людях, которые перестали ждать, что кто-то изменит их жизнь. И начали менять её сами.

ОТ АВТОРА

Я не знаю, кто вы.

Может быть, вы листаете эту книгу в магазине и думаете: «Очередная утопия». Может быть, вам её посоветовал друг. Может быть, вы наткнулись на неё случайно - так же, как я когда-то наткнулся на текст, изменивший мою жизнь.

Но раз вы читаете эти строки — значит, что-то внутри вас уже отозвалось.

Я написал эту книгу не потому, что я экономист. Не потому, что я политик или активист. Я написал её, потому что однажды утром проснулся и понял: я больше не хочу ждать.

Ждать, когда изменится начальник. Когда вырастет зарплата. Когда государство начнёт заботиться о людях. Когда кто-то большой и умный решит за меня, как мне жить.

Я устал ждать. И начал искать.

Так я нашёл EVOLIS. Экономiku живого времени.

Там были формулы, графики, теоремы. Но за ними стояла простая и дерзкая мысль: мир можно изменить. Не через революцию. Не через насилие. Через время. Живое время. То, которое каждый из нас тратит на любимое дело. То, которое нельзя купить и нельзя вернуть.

Я подумал: если я это понял - поймут и другие. Но не через учебник. Через историю. Через живых людей, похожих на нас с вами.

Так появились Алексей, Юлия, Сергей, Михаил, София и Анна. Шесть человек. Шесть городов. Шесть жизней, которые трещат по швам. Они не знают друг друга. Они не верят, что можно иначе. Но каждый из них делает первый шаг - и их пути пересекаются.

Всё, что происходит с ними дальше, - не фантастика. Базовый доход, токены живого времени, Фонд эволюционного риска — это работающие модели. Они уже тестируются. Уже меняют жизни. Уже доказывают: можно не выгорать, не бояться завтрашнего дня, не выбирать между зарплатой и совестью.

Эта книга - не инструкция. Но если вы захотите, она может стать для вас картой.

Не картой мира. Картой себя.

Потому что живое время начинается не с реформ. Оно начинается с вопроса, который каждый из нас однажды задаёт себе, глядя в потолок:

«А я живу? Или просто не умер?»

Если вы задали себе этот вопрос - добро пожаловать. Вы не одни. Нас уже много.

И эта книга - ваш первый ключ.

Часть I. КЛЕТКИ

Главы, где герои живут свою старую жизнь и впервые слышат о EVOLIS.

1. Тот, кто устал ждать

Москва. Шесть утра.

Алексей открыл глаза. Будильник ещё молчал, но тело уже знало — пора. Годы выработали рефлекс: сначала работа, потом всё остальное. Если на «остальное» хватит времени. Обычно не хватало.

Он лежал и рассматривал трещину на потолке. Год назад она была тонкой, как нитка. Теперь разрослась, побежала в стороны — напоминание о том, что ничто не стоит на месте, даже разрушение. Можно было замазать, покрасить, забыть. Но он не вызывал мастера. Может, потому что эта трещина была единственным, что менялось в его жизни.

В комнате стояла такая тишина, что звенело в ушах. Раньше по утрам Ирина гремела посудой на кухне, Мишка шлёпал босыми ногами по коридору. Пахло кофе, подгоревшими тостами и чем-то ещё — может, счастьем. Теперь даже чайник грелся беззвучно.

Ирина ушла три месяца назад. Забрала Мишку и уехала в Саратов.

— Ты стал другим, — сказала она на прощание. — Не плохим. Просто другим. Тебя нет рядом, даже когда ты дома.

Он не спорил. Ипотека — сто двадцать тысяч в месяц. Кредит за машину — сорок. Школа, кружки, продукты. Он работал, чтобы у них всё было. А в итоге у него не осталось их. Когда это случилось? Год назад? Пять? Может, он никогда и не был собой — просто хорошо притворялся.

Он сел на кровати. Пол скрипнул. На тумбочке стояла фотография — Мишка в три года, с мороженым, нос перемазан шоколадом. Алексей смотрел на снимок и не мог улыбнуться, потому что не помнил, когда в последний раз видел сына не через экран телефона.

«Пап, у меня в пятницу концерт. Ты придёшь?» — спросил Мишка вчера.

«Постараюсь».

«Ты всегда стараешься».

Правда. Он всегда старался. И никогда не успевал.

Завтрак. Кофе без сахара. Бутерброд с сыром. Вкуса не было — он не чувствовал еду уже давно. Жевал механически, глядя в окно. За стеклом — двор, мокрый асфальт, редкие прохожие. Женщина с коляской остановилась у подъезда, поправила шапочку малышу, улыбнулась. Мужчина с собакой терпеливо ждал, пока пёс обнюхает столб. Алексей смотрел на них и думал: они счастливы? Или просто не устали так, как он?

Он оделся, вышел из дома. Лифт пах чужими духами. В подъезде пусто. На улице холодно, ветер забирается под воротник. Он завёл машину и выехал на дорогу.

В пробке на Третьем кольце он поймал взгляд водителя в соседней машине. Синяя рубашка, такие же уставшие глаза. Их взгляды встретились на секунду. Никто не улыбнулся. Но Алексей вдруг почувствовал странное — он не один. Где-то там, в потоке машин, сидит человек, который тоже не знает, зачем едет.

Ты тоже, брат? — подумал Алексей.

Мужчина отвёл глаза, нажал на газ. Зелёный. Поехали.

В офисе всё как всегда. Планёрка в девять. Отчёты, графики, цифры. Руководитель говорил, что рынок падает, а надо расти. Алексей кивал. Он не слушал. Он думал о Мишке.

В обед заказал роллы. Ел, не чувствуя вкуса. Листал новости. Экономика, кризис, санкции. И вдруг — маленькая заметка, почти незаметная.

«Эксперимент в Беларуси. Базовый доход. Люди получают деньги просто так. И говорят, что стали спокойнее».

Он фыркнул. Отбросил телефон на стол. Тот проехался по стеклу и чуть не упал на пол. — Дураки, — сказал он вслух. — Бесплатный сыр только в мышеловке.

Закрыв вкладку. Открыл рабочую почту. Пробежал глазами по строкам — ничего не видел. В голове крутилась эта дурацкая заметка. Раздача денег просто так? Кто будет работать? Кто будет строить заводы? Бред. Утопия для ленивых. Он даже кулаком по столу стукнул — не сильно, но звук получился гулкий, и кружка с ручками подпрыгнула.

Он снова взял телефон. Открыл вкладку. Начал читать комментарии. Кто-то ругался: «Это коммунизм!». Кто-то радовался: «Я там был, это работает». Кто-то сомневался: «А если всё отменяют?».

Он смотрел на экран и не понимал, что чувствует. Злость? Зависть? Надежду? Всё вместе. И ещё что-то, чему не было названия.

Лена, секретарша, заглянула в кабинет.

— Алексей Сергеевич, вы сегодня домой?

— Да.

— А вы слышали про эксперимент? Моя двоюродная сестра там работает. Воспитателем.

— Слышал. Бред какой-то.

— Почему бред?

— Потому что так не бывает. Потому что нас всегда обманывали. Сначала обещали, потом забывали.

Она посмотрела на него. В её глазах что-то блеснуло. Не обида. Скорее, жалость.

— Моя сестра говорит, что они не выгорают. Что у них есть время на детей. На себя. На жизнь. Говорит, впервые за двадцать лет выспалась. Это не бред, Алексей Сергеевич. Это правда.

Она развернулась и вышла. Он остался один в кабинете и вдруг поймал себя на том, что смотрит на дверной проём, как на выход из клетки. Странное слово. Клетка. Он сам его мысленно произнёс. И оно прилипло. Он посидел так минуту, глядя в пустой проём, и вдруг понял, что дышит чаще. Сердце колотилось — как перед прыжком.

Вечером, когда кабинет опустел, он снова открыл ноутбук. Набрал в поиске: «Базовый доход Беларусь стажировка». Читал до тех пор, пока за окном не погасли огни. Руки сами сжимались в кулаки — он не знал, от страха или от предвкушения. Экран светил в темноте, и в этом свете его лицо выглядело моложе — как будто он что-то вспомнил.

Он набрал номер Ирины.

— Алёш? Поздно уже.

— Ир, привет. Я просто хотел сказать... я, кажется, понял, что делать.

— Что?

— Пока не знаю. Но скоро узнаю.

Она помолчала.

— Ты странный сегодня.

— Я, наверное, становлюсь собой.

— Ну и слава богу, — сказала она. И в голосе что-то дрогнуло.

Он положил трубку и посмотрел в окно. Там — россыпь огней, бесконечные окна чужих квартир. В одной из них жил его сын и его бывшая жена. В другой — Лена, которая верила своей сестре.

Алексей выключил ноутбук, оделся и вышел на улицу. Пошёл пешком. Через весь город. Ноги гудели, ветер охлаждал лицо. Где-то высоко, между серых туч, проглянула одинокая звезда.

Он шёл и впервые за долгое время не чувствовал себя загнанным в угол. Он просто шёл. И этого было достаточно.

2. Четверо детей и одна мечта

Воронеж. Восемь вечера.

Детский сад опустел. В коридорах погасили свет, игрушки убрали на полки, маленькие стульчики стояли ровными рядами. Только в дальней группе горела настольная лампа — жёлтый островок в сером вечернем мире.

Юлия сидела за низким детским столом. Коленки упирались в столешницу, спина затекла, но она не замечала. Вокруг были разложены планы занятий, родительские заявления, незаполненные отчёты. Красная папка, синяя, зелёная. Кипы бумаг, которые она заберёт домой и будет заполнять, когда дети уснут. Если уснут.

Она провела рукой по столешнице. Краска облупилась — дети старались. Сонечка вчера разлила клей и полчаса оттирала его ладошкой. Юлия улыбнулась, вспомнив, как малышка пыхла от усердия. Потом улыбка погасла.

Завтра снова вставать в полшестого. Завтра снова бежать. Завтра снова не хватать времени на себя. На своих.

Она любила эту работу. Правда любила. Не из чувства долга, не потому что «надо». А потому что умела слышать детей. Пять лет назад, когда она только пришла в этот сад, старшая воспитательница сказала: «Юля, у тебя дар. Ты их понимаешь без слов». Она тогда не поверила. А теперь знала — правда.

Своих — четверо. Чужих — сорок.

Старшая, Ксюша, в выпускном классе. Готовится к ЕГЭ, сидит над учебниками до ночи, молчит. Юлия видела, как у неё дрожат руки, когда она открывает очередной тест. Но Ксюша не жалуется. Сжимает зубы и делает. Один раз Юлия всё-таки не выдержала, села рядом, обняла за плечи. Ксюша замерла, потом плечи дрогнули — но она не заплакала. Просто прижалась к матери на секунду и отстранилась: «Мам, я сама. У тебя своих дел полно». И Юлия ушла. Потому что дел правда было полно. А внутри что-то саднило до сих пор.

Средние, Денис и Егор, — обычные мальчишки. Носятся, спорят, смеются. Иногда дерутся, иногда мирятся. Денис в прошлом месяце разбил окно в школе — случайно, играли в мяч. Когда Юлия пришла от завуча, он стоял в коридоре, белый как мел, и даже не оправдывался. Просто сказал: «Я не хотел, мам». И она вдруг увидела не хулигана, а испуганного мальчишку, который ждал, что сейчас на него будут орать. Она не стала. Обняла. Он разревелся — впервые за несколько лет. Егор вчера бросил мимоходом: «Ма, ты вечно на работе. Мы тебя почти не видим». Он не обвинял. Просто сказал, как есть. И от этого было ещё больше.

Младшая, Алиса, каждый вечер ждала её у двери. «Мама, поиграй со мной». И Юлия, переступив порог, каждый раз видела этот взгляд — доверчивый, ждущий. А у неё не было сил даже улыбнуться. Она прижимала дочь к себе, гладила по голове, а сама думала о завтрашнем занятии, о родительском собрании, о незаполненных отчётах. Алиса засыпала у неё на руках, а Юлия сидела и смотрела на её ресницы — тонкие, как пушинки, и думала о том, что время утекает, как вода сквозь пальцы. И самое страшное — она не знала, как его остановить.

На столе завибрировал телефон. Подруга из Беларуси, Катя, прислала голосовое ещё утром. Юлия не решалась открыть. Они дружили со студенчества, вместе начинали работать в саду. Потом Катя переехала в Минск. Последние полгода она то и дело писала: «Юль, приезжай, у нас тут всё по-другому, ты не поверишь». Юлия отмахивалась: «Кать, у меня четверо, какая поездка». Но Катя не отставала.

И вот новое сообщение. Юлия боялась его открыть. Не потому, что там было что-то плохое. А потому, что боялась снова услышать про «другую жизнь». Боялась, что не выдержит, сорвётся, поедет. А у неё дети, работа, ипотека. Нельзя просто взять и уехать. Нельзя. И в то же время где-то глубоко, как подземный родник, билось: а вдруг можно?

Она всё-таки нажала кнопку.

«Юль, привет! Ты не поверишь. Я работаю в саду двадцать часов в неделю. Получаю столько же. У меня есть время на детей. На себя. На волонтерство. У нас тут программа какая-то новая, называется EVOLIS. Базовый доход, сокращённый день. Мы не выгораем, Юль. Мы просто живём. Я сплю, Юль. Я высыпаюсь. Ты не представляешь, что это такое — высыпаться».

Голос Кати звучал иначе. Раньше он был уставшим, с хрипотцой, как у неё самой. Теперь — спокойный. Даже весёлый. Юлия прослушала сообщение трижды, потом отложила телефон и прижала ладони к щекам. Они горели. Ей вдруг стало жарко, душно, она расстегнула верхнюю пуговицу халата и задышала чаще.

Не бывает так, — подумала она. Но переслала сообщение Андрею. Муж ответил через час — всего четыре слова: «Проверь. Если правда — подумаем». И от этих сухих слов ей вдруг стало легче. Не одной решать. Вместе.

Она провела за чтением весь остаток ночи. Статьи, форумы, видео. Кто-то рассказывал, что EVOLIS — это спасение. Кто-то — что это утопия. Кто-то — что это обман, потому что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

Один комментарий заставил её замереть. Женщина из Могилёва писала:

«Я воспитатель. Получала копейки. С базовым доходом стало хватать на жизнь. Работаю двадцать часов в неделю. Моя дочь ходит в тот же сад, где я работаю. Я вижу, как она растёт. Раньше я приходила домой в восемь вечера и не имела сил даже поговорить с ней. Теперь мы вместе готовим ужин, читаем книги, гуляем. Я не знаю, как объяснить, но я счастлива».

Юлия перечитала три раза. Потом отложила телефон и долго смотрела на спящую Алису. Девочка причмокивала во сне, и одеяло сползло на пол. Юлия поправила его — и вдруг замерла. Она представила: а что, если бы она приходила домой в пять? Если бы у неё были силы не только поправить одеяло, но и почитать сказку? Если бы Алиса засыпала не под её уставшее молчание, а под смех? Она смотрела на дочь, и по щекам текли слёзы. Не горькие. Другие. Как будто лёд таял.

Утром, перед работой, она зашла на сайт авиакомпании. Билеты в Минск — туда и обратно, на выходные. Смотрела на цену, думала. Потом закрыла вкладку. Зачем? Через час открыла снова. Купила. Нажала кнопку «оплатить» — и сердце застучало в горле. Она сидела, глядя на экран с подтверждением, и не могла поверить, что сделала это. Сделала.

Вечером она сидела на кухне с Андреем. Дети уснули. Перед ней стояла кружка с чаем, к которому она так и не притронулась.

— Я купила билет, — сказала она.

— Знаю. Я видел смс от банка.

— Ты не злишься?

— Нет. Хочу, чтобы ты была счастлива.

— А если это обман?

— Тогда вернёшься и будешь знать. Лучше, чем гадать всю жизнь.

Она посмотрела на мужа. У него на виске пульсировала жилка — признак скрытого волнения. Но он улыбался.

— Ты у меня хороший.

— Знаю.

Он сказал это так буднично, что она рассмеялась. Смех получился неожиданным, с отвычки — громким и немного неуклюжим. Но это был её смех. Настоящий. Андрей смотрел на неё так, как не смотрел уже давно — с удивлением и нежностью.

Утром она позвонила заведующей.

— Татьяна Ивановна, мне нужен отпуск на три дня.

— Зачем?

— Хочу съездить в Беларусь. К подруге. Посмотреть, как у них работают детские сады.

— Это срочно?

— Да. Очень. Вы даже не представляете, как это для меня важно.

Заведующая помолчала. Потом сказала — и в голосе что-то потеплело:

— Поезжай. Только вернись с победой.

— Обязательно.

Она положила трубку и посмотрела на детей. Ксюша сидела над учебниками, сосредоточенная, серьёзная. Денис и Егор собирали рюкзаки, перебрасывались шутками. Алиса рисовала за столом, высунув язык от усердия.

— Дети, я уезжаю на три дня.

— Куда? — спросила Ксюша, не отрываясь от учебника.

— В Беларусь. К тётке Кате.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, как там люди живут.

— Мам, ты у нас странная, — сказал Денис.

— Странная, — согласилась Юлия. — Но я вас люблю.

Она обняла всех четверых, прижала к себе одновременно, чувствуя, как бьются их сердца — четыре маленьких моторчика. Ксюша на секунду прижалась крепче, чем обычно. Алиса обхватила её ногу и не отпускала. Юлия поняла: она делает это ради них. Ради того, чтобы когда-нибудь они не говорили: «Мама, ты вечно на работе».

Андрей подошёл, обнял её за плечи.

— Всё будет хорошо.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Но верю.

Она посмотрела в окно. Там, за серыми воронежскими крышами, где-то далеко был Минск. Город, где воспитатели высыпаются. Где у мам есть время на детей. Где люди не выгорают, а живут.

А вдруг? — подумала она.

И позволила себе надеяться. Впервые за много лет — по-настоящему.

3. Глубина

Новокузнецк. Начало смены.

Сергей никогда не смотрел вверх, когда заходил в клеть. Зачем? Там всё равно ничего не видно — только чёрный зев ствола и капли воды на бетоне. Он смотрел под ноги. На рельсы, на лужи, на стоптанные ботинки товарищей. Двадцать восемь лет он смотрел под ноги. Чтобы не споткнуться. Чтобы выжить.

Клеть дёрнулась и пошла вниз. В ушах зашумело. Рядом стояли мужики — кто-то молчал, кто-то травил анекдоты, кто-то дремал, привалившись к стенке. Сергей ни с кем не говорил. Он считал про себя. До сотни. Потом снова. Это помогало не думать.

На горизонте было как всегда — темно, пыльно, гулко. Он включил фонарь на каске, и луч выхватил из мрака знакомые своды, крепи, рельсы. Всё как вчера. Всё как десять лет назад. Всё как всегда.

Только сердце сегодня колотило сильнее обычного. Он прижал ладонь к груди — будто хотел унять его, уговорить.

— Сергеич, ты чего бледный? — спросил напарник, молодой парень Костя.

— Нормально.

— Может, в медпункт?

— Сказал — нормально.

Костя пожал плечами и отошёл. Сергей достал из кармана маленький пузырёк, вытряхнул таблетку, сунул под язык. Нитроглицерин. Горько. Привык. Когда-то он морщился от этой горечи, а теперь даже не замечал.

Он знал, что надо к врачу. Знал, что сердце не резиновое. Но кто пойдёт? Кто заменит? У них каждый человек на счету. Если он уйдёт на больничный, его смену раскидают на других. А у других тоже семьи, тоже здоровье, тоже усталость. Он не мог их подвести.

Так он думал. Год назад. Пять лет назад. Двадцать восемь лет назад.

А сегодня вдруг подумал иначе: а кто подведёт его семью, если он не вернётся? Он представил Надежду в чёрном платке — и зажмурился. Нет. Нельзя.

Вечером он сидел на лавочке у подъезда. Курил. Раньше бросал, потом снова начал. Надежда ругалась, но он отмахивался: «Это нервное». Она махала рукой и уходила на кухню. Он знал, что она там плачет. Тихо, чтобы он не слышал. Знал — и ничего не менял. Потому что не знал как.

Сегодня она не плакала. Просто вышла, села рядом, взяла за руку. Ладонь у неё была тёплая и сухая.

— Серёж, я записала тебя к кардиологу. На послезавтра.

— Я сам...

— Нет. Ты не сам. Ты всегда «сам», а потом мы тебя из шахты на носилках выносим. Хватит.

Голос дрогнул. Не от слабости — от решимости. Он хотел возразить, но не стал. Посмотрел на неё. Глаза уставшие, но твёрдые. Она больше не просила. Она требовала. И он вдруг почувствовал облегчение — как будто с плеч сняли тонну породы. Кто-то другой принял решение. Не ему одному тащить.

— Ладно. Схожу.

— Спасибо.

Она выдохнула и прижалась щекой к его плечу. Они сидели так несколько минут, не говоря ни слова, и это молчание было легче любого разговора. Сергей чувствовал, как её дыхание становится ровнее, и его собственное сердце — впервые за день — перестало колотить.

Ночью он не спал. Сидел на кухне, вертел в пальцах старую зажигалку — чиркал, смотрел на огонь, гасил. Огонёк вспыхивал и гас, и в этом было что-то гипнотическое.

Вспомнил, как на прошлой неделе ходил в гости к бывшему напарнику, Димке. Тот уволился пять лет назад, уехал в Беларусь. Они сидели на кухне, пили чай, и Димка рассказывал странные вещи — про «Второе дыхание», стажировку для шахтёров, про базовый доход. Про то, что его жена наконец перестала бояться каждого телефонного звонка.

Сергей тогда посмеялся: «Сказки. Ты всегда был фантазёром».

Но сейчас, глядя на огонёк зажигалки, он вдруг засомневался. Димка никогда не врал. Даже в мелочах. А что, если он не фантазировал? Что, если там правда по-другому? От этой мысли стало горячо в груди — не как от нитроглицерина, а иначе. Как будто уголёк разгорался.

Он открыл телефон. Набрал: «Беларусь стажировка шахтёры отзывы». Нашёл десятки сообщений. Люди писали, как восстановили здоровье, как перестали бояться пенсии, как начали помогать другим.

Один отзыв зацепил. Бывший проходчик из Кемерово писал:

«Я думал — всё, конец. Сердце, спина, денег нет. Жена устала, дети не звонили. Поехал на стажировку от безысходности. А оказалось — от надежды. Теперь получаю пенсию плюс базовый доход. Лекарства покупаю. Внукам подарки дарю. Жена улыбается. Не верьте тем, кто говорит, что это обман. Я — живой пример».

Сергей перечитал трижды. Потом отложил телефон и долго смотрел на тёмное окно. Там, за стеклом, спал его город. Спала жена. Спали его бывшие товарищи — Володька, Гена, Коля, — которые уже никогда не проснутся.

Он подумал о них. Не просто вспомнил — увидел. Володька, двадцать три года, только женился. Свод рухнул, Сергей вытаскивал его из-под камней, но поздно. Володька смотрел на него и улыбался. Перед смертью улыбался. «Серёг, ты скажи Ленке, что я её люблю». Гена, которого разорвало взрывом метана — Сергей потом неделю не мог есть. Коля — сердце отказало прямо в подъёмнике, сорок два года, шептал: «Сергеич, не бросай...»

Они могли бы ещё жить. Если бы вовремя остановились. Если бы кто-то сказал им: «Хватит. Иди к врачу. Меняй работу». Но никто не сказал. И они ушли.

А он ещё здесь. И он вдруг понял с предельной ясностью: он должен. Не ради себя даже. Ради них. Ради Надежды. Ради пацанов, которые ещё живы.

Утром он позвонил сыну.

— Сань, помнишь Димку, моего напарника? Он в Беларусь уехал.

— Помню. Ты же говорил — фантазёр.

— Оказалось, не фантазёр. Там правда есть стажировка. «Второе дыхание» называется.

— Я тебе про неё полгода назад рассказывал, пап. Ты тогда сказал: «Сказки для дураков».

— Ну вот... передумал. Запиши меня.

Сын помолчал. Потом сказал, и голос дрогнул — так же, как у Надежды вчера:

— Пап, я горжусь тобой.

Сергей замер. Ему никто никогда такого не говорил. Он не нашёл, что ответить. Просто кивнул, хотя сын не мог этого видеть, и почувствовал, как в горле встал ком. Непроглоченный. Тёплый.

— Я тоже тебя люблю, — сказал он наконец. — Хотя и не часто говорил.

Сын всхлипнул в трубку. И от этого звука Сергею стало легче — как будто ещё одну тонну сняли.

Он положил трубку и посмотрел на календарь. Через две недели — поезд до Минска. Один. С маленьким чемоданом и большим желанием понять.

Он не знал, что его там ждёт. Не знал, поможет ли это. Но он знал одно: он больше не хочет смотреть только под ноги. Пора поднять голову и увидеть, куда он идёт.

4. Золотая клетка

Москва. Семь утра.

Михаил стоял у окна своей квартиры на сорок пятом этаже. Кофе в руке давно остыл, но он не замечал. За стеклом — Москва-Сити, башни из стекла и бетона, утреннее солнце играло бликами на фасадах. Красиво. Дорого. Пусто.

Он жил здесь десять лет и ни разу не почувствовал себя дома. Квартира была огромной — двести метров, три спальни, гостиная с камином, гардеробная размером с хрущёвку, в которой он вырос. Но он не помнил, когда в последний раз здесь звучал смех. Иногда ему казалось, что стены впитали тишину и теперь отдавали её обратно — кондиционированную, очищенную, мёртвую.

Жена уехала на Кипр две недели назад. Сказала, хочет отдохнуть. Он не спрашивал от чего. Знал — от него. От его вечной занятости, от его отсутствующего взгляда, от его неумения быть рядом, даже когда он сидел в метре.

Дети выросли и не звонили. Старший, Денис, работал в Лондоне, в инвестиционном фонде. Младшая, Катя, училась в Питере на дизайнера. Они звонили раз в месяц. По праздникам. И то, если он сам напоминал. Он не обижался. Он сам их этому научил.

Он отошёл от окна, поставил чашку в раковину. Холодильник был пуст — только бутылка воды и полпачки творога. Он не завтракал уже лет десять. Кофе — и хватит.

Вспомнил, как в молодости они с женой завтракали вместе. Она пекла блины, он пил кофе с молоком, сын бегал вокруг, просил добавки, дочь смеялась, намазывая варенье на хлеб. Тогда квартира была маленькой, кухня — шесть метров, но в ней пахло жизнью. Теперь двести метров пахли кондиционером. И сколько он ни проветривал — запах не уходил.

В офисе всё шло своим чередом. Секретарша принесла кофе, положила на стол свежие газеты. Финансовый директор зашёл с отчётом.

— Михаил Борисович, по вчерашней сделке всё чисто. Деньги зачислены.

— Хорошо.

— Что-то не так?

— Всё так.

Он смотрел в монитор, но не видел цифр. Перед глазами стоял вчерашний звонок сына. «Пап, я занят. Позвоню».

Он не перезвонил. Михаил знал, что это значит. «Я занят» — вежливая форма «отстань». Он сам так говорил годами. Круг замкнулся.

В обед Михаил спустился в ресторан на первом этаже. Официант знал его, улыбнулся, провёл к столику у окна. Ризотто, минеральная вода. Ел медленно, без аппетита. Вкуса не чувствовал. Официант спросил, как дела. Он ответил: «Нормально». Официант не поверил, но промолчал. За десять лет он научился не задавать лишних вопросов.

После обеда Михаил вернулся в кабинет, закрыл дверь, сел в кресло. За окном — муравейник из стекла и бетона. Тысячи окон, тысячи офисов, тысячи людей, которые спешат, зарабатывают, тратят. Как он. Только он уже заработал. Всё, что хотел. И даже больше.

Радости это не принесло. Он помнил тот день, когда закрыл свою первую крупную сделку. Думал — вот оно, счастье. Выпил бутылку шампанского в одиночестве и лёг спать. А наутро ничего не изменилось.

Он открыл почту. Среди спама и рабочих писем — одно, от неизвестного отправителя. Тема: «Фонд эволюционного риска. Приглашение к сотрудничеству».

Он хотел удалить. Палец завис над клавишей.

«Михаил Борисович, вы можете конвертировать часть капитала в токены живого времени и стать меценатом эволюции. Это не лишит вас влияния. Вы сможете голосовать за проекты. Получать приоритетный доступ. Но не будете получать дивиденды. Ваш капитал будет работать на развитие человечества».

Он фыркнул. Резко, громко — сам удивился этому звуку.

— Секта какая-то.

Закрыв письмо. Открыл рабочие документы. Пробежал глазами по строкам — ничего не увидел. В голове крутилось: «токены живого времени», «меценат эволюции», «не будете получать дивиденды».

Кто в здравом уме откажется от дивидендов? Кто будет вкладывать деньги без прибыли? Это противоречило всему, чему он учился. Всему, на чём построил свою жизнь. Он чувствовал, как внутри поднимается раздражение — привычное, почти родное. Оно заменяло ему все остальные чувства.

Он снова открыл письмо. Перечитал.

И вдруг вспомнил, как сын в детстве просил велосипед. Он купил. Самый дорогой. Привёз, поставил в прихожей, ожидал восторга. А сын заплакал. Горько, навзрыд. «Ты опять, — сказал он сквозь слёзы. — Ты всегда покупаешь, а сам не приходишь». Михаил тогда не понял. Обиделся даже — он же старался, он же деньги тратил. А теперь, сидя в пустом кабинете, вдруг понял. Сын хотел не велосипед. Хотел, чтобы отец покатался с ним. Всего-то.

Михаил откинулся в кресле и закрыл глаза. Перед внутренним взором стоял тот самый велосипед. Блестящий, нетронутый. И маленький Денис, который плачет в прихожей.

Вечером он вернулся в пустую квартиру. Включил свет, прошёл в гостиную. Диван, телевизор, журнальный столик. Всё на своих местах. Всё идеально. Всё мёртво.

Он сел в кресло, взял телефон. Набрал номер сына. Долгие гудки. Каждый отдавался в груди. Потом голос:

— Пап? Ты чего? Поздно уже.

— Соскучился.

— Ты пьян?

— Нет. Просто хочу услышать твой голос.

Сын молчал. Долго. Михаил уже подумал, что связь оборвалась. Потом Денис сказал — тихо, без обычной иронии:

— Станный ты какой-то.

— Я, наверное, старею.

— Ты всегда был старым, пап. Только раньше у тебя не было времени это замечать.

Михаил положил трубку. Сын был прав. Он всегда был старым. Всегда спешил, всегда работал, всегда зарабатывал. А жить так и не научился. Он сидел в темноте и чувствовал, как что-то внутри ломается. Не разрушается. Ломается, как скорлупа. Под ней что-то было — он пока не знал что.

Он снова открыл то письмо. Нашёл в подписи номер телефона. Долго смотрел на цифры. Палец завис над кнопкой вызова — как утром над клавишей «удалить». Две кнопки. Два пути. Вся жизнь он выбирал «удалить». «Отказаться». «Закрыть». Он даже не помнил, когда в последний раз выбирал «позвонить».

Нажал.

— Фонд эволюционного риска, добрый вечер, — ответил молодой женский голос.

— Здравствуйте. Меня зовут Михаил. Я получил ваше письмо.

— Да, Михаил Борисович. Мы ждали вашего звонка.

Он не удивился. Почему-то. Может, потому что всё в его жизни вело к этому моменту.

— Расскажите подробнее. Что значит «меценат эволюции»?

— Это значит, что ваши деньги перестанут делать деньги. Они начнут делать будущее.

Он молчал. Смотрел на тёмный город за окном — муравейник, который никогда не спит. Где-то там, в Лондоне, его сын. Где-то на Кипре — жена.

— Я подумаю.

— Конечно. У вас есть время.

Он положил трубку. Выключил свет. Посидел в темноте. И впервые за долгое время — не с тех пор, как стал миллионером, а с тех пор, как стал взрослым, — он не думал о деньгах. Он думал о сыне. О том, что можно успеть покататься с ним на велосипеде. Пусть даже ему двадцать восемь и он в Лондоне. Пусть даже велосипед будет не нужен — можно просто приехать. Просто побыть рядом.

Он ещё не знал, что через месяц купит билет в Минск. На стажировку. Чтобы понять, как работают эти «токены живого времени».

Но первый шаг он уже сделал. Самый трудный. Он позвонил.

5. Без фильтров

Санкт-Петербург. Полночь.

София сидела на полу в ванной и плакала. Телефон лежал рядом, экраном вниз. Она перевернула его час назад и с тех пор не прикасалась. Там, в этом чёрном прямоугольнике, жили два миллиона человек. Они смотрели её истории, лайкали фото, писали комментарии. Они думали, что знают её. Они ошибались.

Она сама себя не знала.

Днём она выложила пост. Красивое фото: она в новом платье, на фоне питерских крыш, улыбка, макияж, идеальный свет. Подпись: «Жизнь прекрасна, когда ты занимаешься любимым делом». Тридцать тысяч лайков за час. Сотни комментариев: «Ты лучшая!», «Красотка!», «Хочу как ты!».

Никто не знал, что после этого фото она два часа лежала на диване и смотрела в потолок. Что платье она вернула в магазин сразу после съёмки — оно стоило как половина её аренды, а бюджет на этот месяц уже трещал по швам. Что «любимое дело» давно превратилось в гонку за цифрами, в которой она проигрывала самой себе каждый день. Каждый. День.

Она смыла макияж — тушь текла чёрными дорожками, тональник сходил слоями, обнажая уставшую кожу. Стянула волосы в небрежный пучок и ушла в ванную. Просто чтобы спрятаться. От телефона, от подписчиков, от себя. Закрыла дверь на щеколду и сползла по стене на холодный кафель.

В дверь постучали.

— Сонь, ты там жива? — голос Веры, соседки по квартире.

— Жива.

— Открой. Я слышу, ты ревела. Открой, Сонь.

София вздохнула, встала, щёлкнула щеколдой. Вера стояла с двумя кружками чая и плиткой шоколада. Увидела лицо подруги — и ничего не сказала. Просто вошла, села на край ванны, протянула кружку.

— Ты опять ревела.

— Нет.

— Врёшь. У тебя глаза красные. И тушь на щеке.

София машинально потёрла щёку. Посмотрела на пальцы — чёрные разводы. Усмехнулась. Потом усмешка перешла в смех — нервный, короткий. И снова в слёзы.

Они перешли на кухню. Вера не спрашивала, что случилось. Она просто была рядом. Они дружили со студенчества, вместе снимали эту квартиру уже пять лет. Вера работала бухгалтером, получала скромную зарплату, но никогда не жаловалась. София завидовала этому её спокойствию. Не яркому счастью. Просто отсутствию вечной гонки.

— Вер, как ты живёшь? — спросила вдруг София.

— В смысле?

— Ну вот ты ходишь на работу, возвращаешься, смотришь сериалы, встречаешься с друзьями. Ты счастлива?

Вера задумалась. Не отмахнулась — задумалась.

— Не всегда. Но я знаю, кто я. А ты?

София не ответила. Она смотрела на пар от чая и думала, что не помнит, когда в последний раз знала ответ на этот вопрос. Год назад? Два? Может, никогда.

Утром её разбудила вибрация телефона. Менеджер. Семь пропущенных. София глянула на экран и почувствовала, как желудок сжался в комок.

— Соф, ты где? У тебя рекламный пост должен был выйти в девять!

— Я... проспала.

— Проспала? Ты никогда не проспала. Что с тобой?

Она не знала, что ответить. Раньше она правда никогда не проспала. Вставала в шесть, делала макияж, снимала контент, отвечала на комментарии, вела переговоры с рекламодателями. Машина. Идеальная, отлаженная, успешная. Но никто не спрашивал, чего ей это стоило. Даже она сама.

Пока не сломалась.

— Я возьму паузу.

— Какую паузу? У тебя контракты! Ты понимаешь, что ты теряешь? Тысячи долларов! Подписчиков! Репутацию!

София закрыла глаза. Тысячи долларов. Подписчики. Репутация. Слова, которые раньше держали её на плаву. Теперь они звучали как чужие.

— Я устала. Понимаешь? Просто устала.

Она положила трубку и выключила телефон. Впервые за пять лет. Сделала это — и замерла, ожидая паники. Но паники не было. Только тишина в ушах и странное, забытое чувство — облегчение. Как будто она сняла туфли после десятичасовой съёмки.

День она провела без телефона. Сначала было страшно — руки сами тянулись к карману, пальцы искали знакомый прямоугольник. Она ловила себя на том, что мысленно сочиняет подписи к тому, что видит: «Кофе в любимой кофейне», «Осенний Питер прекрасен». Но постить было некуда. И она просто жила.

Гуляла по набережной. Смотрела на чаек. Ела пирожок с капустой, купленный у уличного ларька. Смеялась, когда начинка упала на куртку — жирное пятно на дорогой ткани, но ей было всё равно. Не фотографировала. Не выкладывала. Просто жила. И впервые за долгое время чувствовала не пульс в висках, а ветер на лице.

Вечером зашла в книжный на Невском. Долго бродила между полками, трогала корешки, читала аннотации. И наткнулась на странную книгу. На обложке — минималистичный узор и название: «EVOLIS. Экономика живого времени».

Она открыла наугад.

«Капитализм измеряет успех в деньгах. EVOLIS измеряет успех в живом времени. Живое время — это часы, когда вы находитесь в состоянии потока и создаёте что-то новое для человечества. Это может быть картина, научная статья, урок для детей, рецепт пирога. Всё, что делает мир сложнее и интереснее».

Она захлопнула книгу. Сердце колотилось. Огляделась — не смотрит ли кто. Как будто её застали за чем-то запретным.

Потом открыла снова.

«Проблема современного человека не в том, что он мало зарабатывает. Проблема в том, что он тратит свою жизнь на то, что не приносит ему радости. Базовый доход освобождает от страха голода. А живое время даёт смысл».

Она дочитала до конца страницы и поняла, что по щекам текут слёзы. Прямо в книжном. Она стояла между полками и беззвучно плакала, прижимая книгу к груди. Никто не подошёл, никто не спросил — и слава богу.

Она купила книгу. Пришла домой, села на диван и читала до утра. Где-то на рассвете, когда за окном засерело небо, она закрыла последнюю страницу и поняла: что-то сдвинулось. Не снаружи. Внутри.

Утром она позвонила Вере.

— Вер, ты слышала про EVOLIS?

— Это где базовый доход и люди не выгорают? Да, у меня знакомая туда уехала, в Минск. Говорит, жизнь изменилась.

— У тебя есть её контакты?

— Есть. А что?

— Хочу поговорить. Срочно.

Вечером она уже сидела в скайпе с девушкой из Минска. Та рассказывала, как ушла из рекламного агентства, где работала по двенадцать часов, и стала вести небольшую студию керамики. Зарабатывает меньше, но живёт больше. У неё есть время на себя, на друзей, на прогулки.

— А как же деньги? — спросила София.

— Базовый доход покрывает базовые потребности. Всё остальное — моё творчество. Я не богата, но я счастлива. Это разные вещи.

София выключила скайп и долго смотрела в стену. Счастлива. Она не помнила, когда в последний раз слышала это слово от живого человека — не из рекламы, не из поста, не из глянцевого интервью. От человека, который лепит горшки.

Она вспомнила, как начинала свой блог. Ей было двадцать, она училась на журфаке и мечтала писать о культуре. Но редакторы говорили: «Кому это интересно? Пиши про макияж, про диеты, про звёзд». Она писала. Лайки росли. Подписчики прибавлялись. Рекламодатели приходили. Она стала успешной. И потеряла себя. Где-то между третьей рекламной интеграцией и сотым постом про идеальную жизнь.

А где-то в Минске девушка лепила горшки и была счастлива.

На следующий день она зашла на сайт EVOLIS. Нашла раздел «Стажировки». Там были программы для всех: для учителей, для врачей, для шахтёров, для предпринимателей. И для блогеров. «Как говорить с аудиторией о смысле, а не о потреблении».

Она заполнила заявку. Имя, возраст, род деятельности. В графе «Почему вы хотите участвовать?» написала: «Потому что я устала быть картинкой. Хочу стать человеком».

Нажала «Отправить». Закрыла ноутбук. И заплакала — на этот раз не от отчаяния. От надежды.

Через три дня пришёл ответ: «София, вы приняты. Ждём вас в Минске через две недели».

Она прочитала письмо три раза. Потом встала, подошла к зеркалу. Посмотрела на себя. Без макияжа, без фильтров, без масок. Уставшая, но живая. Под глазами — синяки. На щеке — след от подушки. Волосы торчат в разные стороны. И почему-то именно такой она себе нравилась больше, чем на всех отретушированных фото вместе взятых.

— Привет, — сказала она своему отражению. — Давай знакомиться.

Отражение улыбнулось. Не для камеры. Для неё.

6. Внуки

Саратов. Десять утра.

Анна сидела у окна и смотрела во двор. Это было её любимое место. Не потому, что здесь было удобно — стул был жёсткий, спина затекала. А потому, что отсюда было видно песочницу.

В песочнице копошились дети. Чужие. Своих она не видела уже полгода.

Дочь жила в Москве. Работа, дела, муж, двое детей — Ваня и Сонечка. Анна помнила их дни рождения, рост, вес, любимые игрушки. Она знала, что Ваня боится темноты, а Сонечка не ест кашу. Знала по рассказам дочери. По редким видеозвонкам. По фотографиям, которые приходили раз в месяц. Она вглядывалась в эти фотографии, как в окно, — и не могла насмотреться.

Она никогда не просила приехать. Боялась.

— Мам, может, тебя к нам? — спрашивала дочь.

— Не надо. У вас свои дела. Я справлюсь.

Она всегда так говорила. Не потому, что не хотела. Потому что боялась быть обузой. Боялась, что дочь скажет: «Мам, извини, но у нас нет времени». Или ещё хуже — не скажет, но подумает. Боялась, что внуки спросят: «Бабушка, а ты когда уедешь?» Она не знала, что страшнее — услышать этот вопрос или увидеть его в глазах.

Лучше сидеть у окна. Лучше смотреть на чужих детей. Лучше не рисковать. Она повторяла это себе годами. И годами это работало. Почти.

Пенсия — двадцать три тысячи. Коммуналка — пять. Лекарства — пять. Продукты — восемь. Остаётся — пять. Пять тысяч на месяц. На такси до поликлиники. На редкий подарок внукам. На жизнь. Она давно перестала надеяться, что эти цифры изменятся. Просто жила — аккуратно, экономно, незаметно.

Она не жаловалась. Не привыкла. Её мама прожила всю жизнь в деревне, растила пятерых, не жаловалась. Отец работал на заводе, не жаловался. Она выросла с мыслью: «Надо терпеть». И терпела. Всю жизнь. Терпела, когда муж умер — тихо, во сне, оставив её одну в этой квартире. Терпела, когда дочь уехала в Москву. Терпела, когда внуки перестали приезжать. Терпела, когда сердце начинало щемить, а лекарства кончались раньше пенсии.

Но сегодня что-то сдвинулось.

Может быть, дело было в утреннем звонке дочери. Та рассказывала, как Ваня нарисовал бабушку — криво, косо, с оранжевыми волосами, — и подписал печатными буквами: «Я ЖДУ». Дочь прислала фото этого рисунка. Анна смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то поднимается — не боль, не грусть. Какой-то тёплый, забытый прилив. Она вдруг поняла, что этот кривой рисунок — самое честное, что она получала за последние годы.

А может, дело было во вчерашнем разговоре с соседкой, тётей Клавой. Та забежала за солью и мимоходом бросила:

— Анна, слыхала? В Беларуси пенсионерам какие-то выплаты дают. Базовый доход называется. Нина из пятой квартиры рассказывала — у неё сестра в Витебске, получает на лекарства и на подарки внукам. Каждый месяц, представляешь? И не отнимают.

Анна тогда отмахнулась: «Обманут, Клава. Вечно эти сказки».

Но ночью, лёжа без сна, она снова и снова прокручивала в голове этот разговор. Не про выплаты. Про Нину из пятой квартиры. Про то, что кто-то где-то уже получает эти деньги — и, может быть, покупает внукам подарки не раз в год, а когда захочет. И не считает копейки на лекарства. И спит спокойно.

Она встала, зажгла лампу на тумбочке и взяла старенький планшет, который дочь подарила два года назад. Долго тыкала в экран непослушными пальцами. Открыла браузер. Набрала в поиске: «Базовый доход Беларусь пенсионеры».

Читала до рассвета.

Статьи, форумы, комментарии. Одна женщина из Витебска писала:

«Я на пенсии. Получаю базовый доход. Теперь могу позволить себе купить внукам подарки. И лекарства. И иногда сходить в кафе. Я не богатая, но я спокойная. Я не боюсь завтрашнего дня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.